

The book cover features a detailed illustration of a coastal scene at sunset. In the foreground, a stack of five ornate books in red, green, and blue covers sits on a rocky shore. A quill pen rests on an open book, with a blue inkwell nearby. Pink cherry blossom branches frame the left and right sides of the cover. The background shows a calm sea with a sailboat, distant mountains, and a large full moon in a starry night sky. The title and author's name are centered in a classic serif font, with decorative flourishes separating them.

ВИТАЛИЙ
КОБЕР

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

РК

ВИТАЛИЙ КОБЕР

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва

ВК

2026

Предисловие

Есть особая магия в стихотворном изложении мыслей. Поэзия позволяет сказать многое немногими словами. В отличие от обычной речи, она более сжата, насыщена смыслом и образами, требует от каждого слова особой точности и выразительности. В стихотворении мысль не только передается, но и звучит, дышит, обретает собственный ритм и мелодию. Ритмическая основа стиха завораживает, незаметно увлекает читателя в свой поток, заставляя не только понимать написанное, но и чувствовать его.

Любовь к поэзии, вероятно, как и у многих детей моего поколения, началась со сказок Александра Сергеевича Пушкина. До сих пор поражает легкость, с которой льется повествование его стихотворных сказаний, их музыкальность и удивительная ясность языка. Уже тогда возникало ощущение, что стихотворная речь обладает особой силой, способной превращать самые простые слова в волшебство.

Повзрослев, я начал робко пробовать собственные силы в стихосложении. Эти первые опыты были несовершенны, но именно они открыли мне радость творческого поиска. Настоящее же увлечение поэзией пришло в студенческие годы. Почти каждую субботу я проводил в отделе редких книг библиотеки. Там, среди старинных переплетов и пожелтевших страниц, передо мной открывался удивительный мир русской поэзии конца XIX — начала XX века.

Особенно сильное впечатление произвели поэты Серебряного века. Их стихи поражали глубиной чувств, смелостью образов и музыкальностью языка. Но не меньшее восхищение вызывали сами издания того времени: литературные журналы, альманахи и поэтические сборники. Их оформление, шрифты, виньетки, гравюры и орнаменты создавали неповторимую атмосферу эпохи, когда книга воспринималась не только как источник мысли, но и как произведение искусства.

Как блаженны были те часы! Почти в полном одиночестве сидеть в небольшом читальном зале, перелистывать старые страницы, вслушиваться в рифмы Блока, Брюсова, Гумилёва, Ахматовой, Волошина, Цветаевой и многих других поэтов, ощущая дыхание ушедшего времени. Казалось, что между прошлым и настоящим исчезают границы, а поэтическое слово становится мостом, соединяющим эпохи.

С годами приходит понимание того, что творчество — в каком бы виде оно ни проявлялось — является одной из высших радостей человеческой жизни. Оно позволяет увидеть мир глубже и ярче, почувствовать его скрытую гармонию. И тогда уже невозможно просто идти по лесной тропинке, гулять по парку или вдоль морского берега, не прислушиваясь к голосам окружающего мира. Пение птиц, шелест листвы, скрип снега под ногами, шум прибоя, дыхание ветра — всё это начинает отзываться внутри строками, ритмами, образами.

Поэзия рождается не только за письменным столом. Она возникает в дороге, в случайной встрече, в воспоминании, в мгновенном впечатлении от заката или старой фотографии. Многие стихотворения этого сборника начинались именно так — с небольшой зарисовки, мимолетного чувства или случайно пришедшей строки. Одни из них оставались короткими поэтическими миниатюрами, другие со временем превращались в полноценные стихотворения.

Поэзия сопровождает меня на протяжении большей части жизни. Она помогала осмысливать происходящее, сохранять дорогие воспоминания, переживать утраты и радоваться счастливым мгновениям. Наверное, поэтому мне трудно представить жизнь без стихов. Они делают её богаче, многограннее и осмысленнее, помогая замечать красоту даже в самых обычных вещах.

В этот сборник вошли избранные произведения, написанные в разные периоды моей жизни — от юношеских лет до настоящего времени. Они отражают не только изменения в поэтическом мастерстве автора, но и его внутренний путь, круг размышлений, переживаний и надежд. С особой теплотой вспоминая годы знакомства с литературой Серебряного века и эстетику книжных изданий начала XX столетия, я сознательно выбрал для оформления сборника стиль, навеянный тем временем. Небольшие графические иллюстрации, декоративные элементы и общий характер оформления призваны создать атмосферу старинного литературного журнала, в которой поэзия и художественный образ существуют в гармоничном единстве.

Если хотя бы несколько стихотворений найдут отклик в душе читателя, пробудят воспоминание, улыбку, грусть или желание взглянуть на привычный мир чуть внимательнее, значит, этот сборник был создан не напрасно.

Желаю вам приятного и вдохновенного чтения.

Виталий Кобер

Пролог

Заметки жизни, мои надрывы,
Записки мыслей, души порывы,
Пометки всуе — от скуки, лени
И отстраненья от светотени...

Обрывки писем, страницы, даты,
Давно ушедших минут утраты,
Следы сомнений, немые знаки,
Что оставляли в душе овраги.

Здесь нет системы и нет порядка,
Лишь сердца тайная тетрадка,
Лишь отголоски былых волнений
Да тихий шёпот моих прозрений.

Быть может, кто-то меж этих строчек,
Среди раздумий и многоточий,
Увидит образы, а не страницы,
И различит знакомые лица.

А если нет — не беда, не горе.
Всё растворится в земном просторе.
Но эти строки, как след дыханья,
Хранят мгновенья существования.

І. ЮНОСТЬ

Только «нет»

Ни о чём никому не хочу говорить,
Ничего никогда никому не дарить!
Не любить никого!
Не страдать — никогда!
Отвечать только «нет»,
Только «нет» вместо «да»!

Не хочу ни о чём никого я просить,
Не хочу никому свою душу открыть.
Пусть смеются вокруг,
Пусть судачат порой —
Я останусь один,
И для всех я чужой.

Мне на всех наплевать!
Мне не нужен никто!
Мне нужна лишь кровать,
А зимою — пальто.
И нужны мне всегда
Солнце, воздух, вода,
Чтобы всем отвечать
Только «нет» вместо «да»!

Кто я?

Кто я — поэт иль рифмоплёт?
Талант иль, так себе, бездарность?
И что меня в грядущем ждёт:
Бессмертье гения иль только популярность?

Кто я рассудят лишь года,
Судить себя ещё не время.
Но верю: вспыхнет та звезда,
Что озарит однажды имя.

И если мир меня не ждёт,
Я сам заставлю ждать и слушать!
Пускай сегодня не везёт —
Настанет день, меня услышат!

Юношеская хандра

Зачем напрасно сквернословить,
Кому-то душу изливать?
Никто ж не сможет успокоить,
Хандру, тоску мою унять!

Святы, целительны страдания
От черствости и пустоты,
А стихотворные стенания —
Великий признак правоты!

Пуškai не верят мне сегодня,
Пуškai смеются просто так,
Но эти строки, я уверен,
О многом сами говорят!

Зачем напрасно пустословить,
Кому-то душу изливать?
Ведь только стих способен словом
Тоску и грусть мою унять!

Болезнь

Болезнь моя — всему начало:
Виденьям, скуке и хандре,
И созерцаниям усталым,
Раздумьям мрачным о себе...

Ничто уж к действию не приводит,
Природа не жива вокруг,
А жизнь стремительно уходит,
Все меньший совершая круг.

И я, как узник обреченный,
Бреду с этапа на этап,
А дождь всё капает: кап, кап,
Смывая образ утомленный...

И день похож на день вчерашний,
И ночь не дарит забытья.
Лишь ветер, тихий и протяжный,
Листает прошлые года.

Я вслушиваюсь в стук безмолвия,
В часах размеренный отсчет.
Душа, уставшая от боли,
Чего-то всё еще лишь ждет.

И только дождь всё так же мерно
Стучит в холодное стекло,
Как будто хочет незаметно
Стереть всё то, что быть могло.

Болезнь моя — не боль, не мука,
А тихий путь за горизонт,
Где исчезают страх и выюга,
Где гаснет жизни небосвод...

Планета «Я»

Мне позвонили — я ответил,
Лениво звуками играя,
И постепенно вдохновляясь
На дерзость...

Никто той перемены не заметил,
Да и заметить бы не мог:
Не существует тех дорог,
Что в глубину души ведут.

Мы узнаём друг друга лишь
По интонации, по взгляду,
По мимолётному укладу
Случайно обронённых фраз.

Во мне живут свои миры,
Закаты, звезды и рассветы,
Мечты, искания, ответы,
И неразгаданные сны.

Там память медленно течёт,
Перебирая дни и лица,
И никогда не повторится
Её таинственный полёт.

Там время движется не так:
Часы становятся мгновеньем,
А миг, исполненный прозреньем,
Вмещает прожитую жизнь.

Ведь я живу один на свете
В таинственной, неведомой планете,
Чьё имя — Я!

Поэт и вдохновение

Нужно ль поэту вдохновенье —
Капризный шёпот дивных муз,
Чтоб написать стихотворенье
На самый утонченный вкус?

Иль можно сесть за стол спокойно,
Чтоб слушать только тишину,
И без небесной силы вольной
Тянуть словесную струну?

Поэту — да, признать не стыдно:
Без искры все слова — мученье,
Но мне иное нынче видно —
Я создаю свое творенье.

Я — словно бог в своём чертоге,
Мне слог подвластен, ритм и звук:
Когда хочу — слова в потоке
Сливаются в волшебный круг.

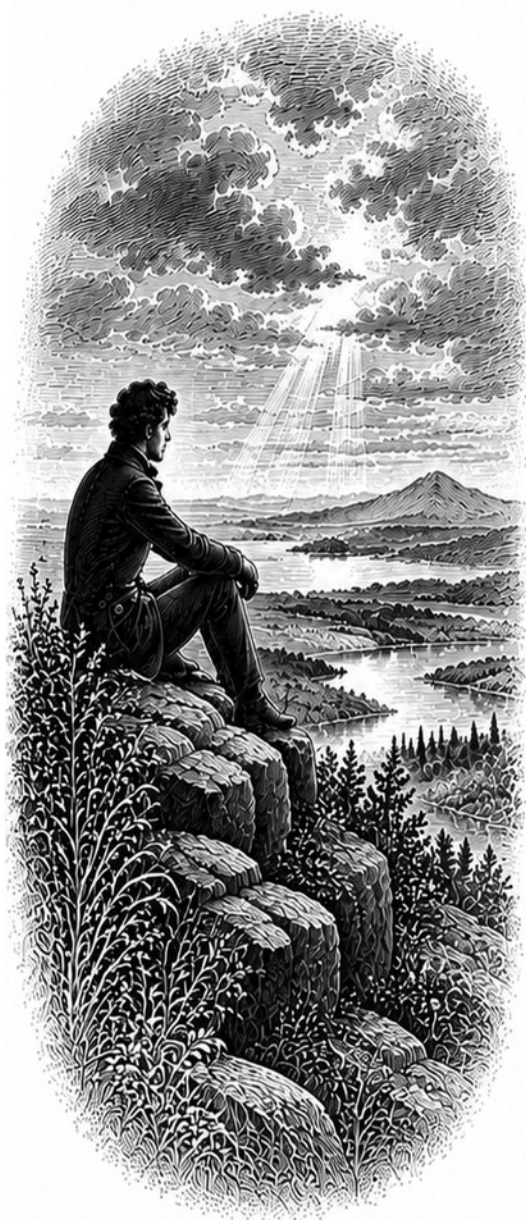
За слогом слог — и мысль струится,
Как ток по жилам тишины,
И рифма вдруг спешит родиться
Из потаённой глубины.

Но вот шаги, знакомый шорох,
Сквозняк из горной вышины:
То музы, девять светлых взоров,
В словесный пир вовлечены.

Теперь мы все — единый круг:
Я, музы, слово и сомненье.
Я засыпаю... меркнет звук —
И правит миром вдохновенье.

Оно не гость — это стихия,
Не приказать, не удержать,
И лишь во сне, как в литургии,
Дано творить, а не мешать.

Манящая идея

Явись, могучая идея,
Как высший знак, как тайный зов,
Разбей все цепи Прометея,
Меня избавь от всех оков.

Ведь всё, на что я не решаюсь,
Не оттого, что не могу:
Я слишком часто сомневаюсь
И медлю сделать шаг к добру.

Ты — не порыв и не желанье,
А тихий зов внутри меня,
Где выбор — это послушанье,
А вера — форма бытия.

Будь снисходительна со мною:
Я слаб и часто сбит с пути,
Но, если Истина с тобою —
Я буду этот крест нести.

И что нам суждено вдвоём —
Не мне предвидеть и судить:
Есть воля Божья во всём,
А нам дано любить и жить!

Озаренный солнцем

Мне было скверно: утром, полусонный,
Я в степь пошёл навстречу солнцу.
Оно ничто не говорило —
Окутало, взбудрило, окрылило!

Оно звало к неведомым высотам —
Икаром стать, и полюбить полеты,
Оставить шум земной и суету
И преступить запретную черту.

Я возжелал губительного света,
Чтоб страх расплавился во мне.
Пусть крылья тают — судьба поэта:
Сгореть до пепла наяву, а не во сне.

И с той поры несу в груди сиянье,
Как знак незримого признанья.
Брожу с улыбкой странной —
Счастливый, тихо-осиянный.

Молодость

*«Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел...»*

А. С. Пушкин

О, молодость — счастливая пора!
Встречать зарю без сожаленья,
И каждый новый день с утра —
Как миг великого творенья.

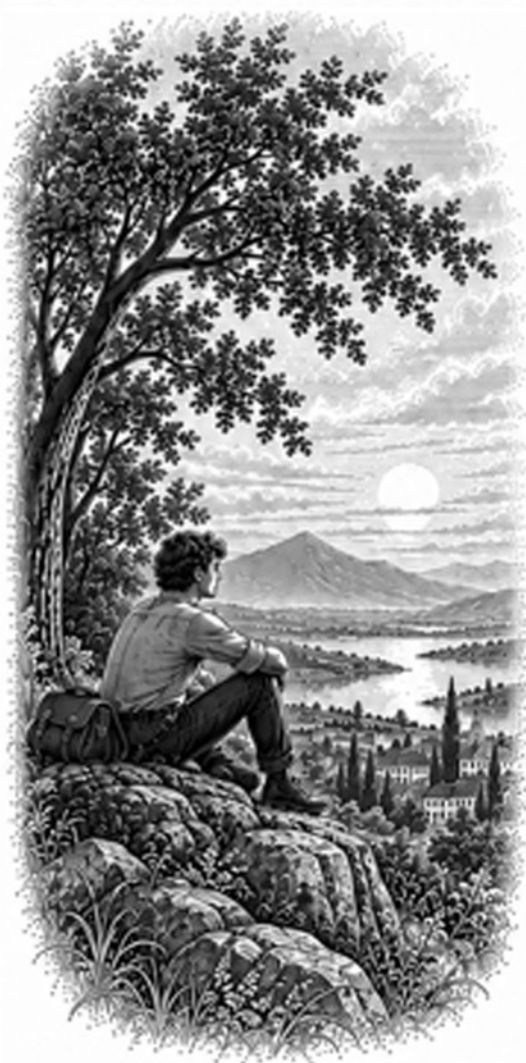
Когда за окнами — весна,
И майский вечер пахнет садом,
Еще не познаны сполна
Ни ложь земная, ни вся правда.

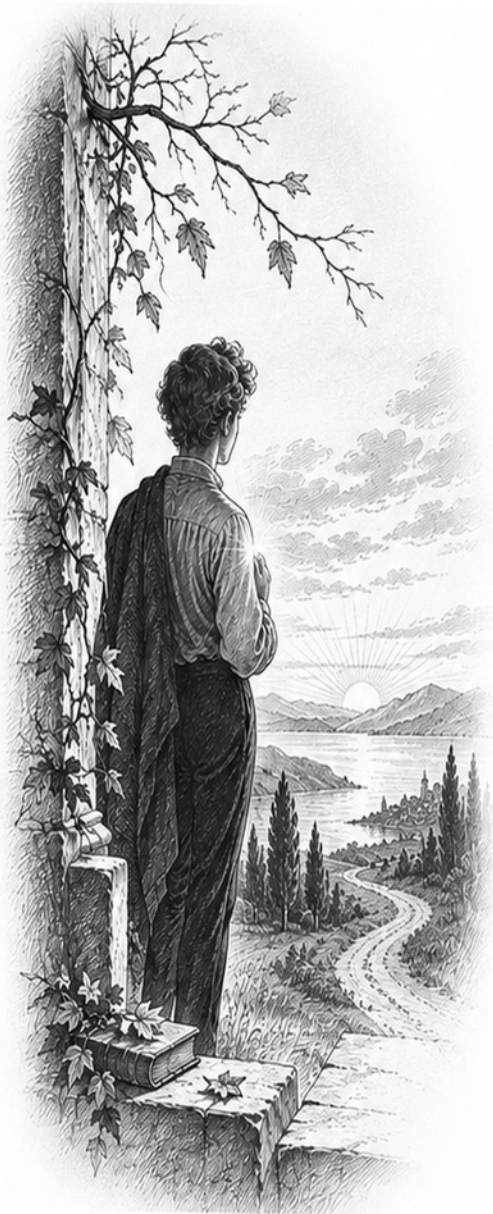
До первых петухов не спать,
За крепким чаем — до рассвета,
Пытаться сердцем разгадать
Все тайны мира без ответа.

Читать романы до зари —
Достоевского, Булгакова...
И пусть приводят все пути
К святому Слову — одинаково.

Любить — не думая о том,
Что счастье может стать разлукой,
Что в этой жизни день за днём
Идут бок о бок свет и мука.

Но годы движутся вперед,
И незаметно сердце зреет.
Душа уже иного ждет,
И тишину ценить умеет.

Все реже долгие слова,
Все меньше пылких уверений.
Лишь неизменна синева
Над полем вечных откровений.

И понимаешь наконец,
Что молодость — не только годы.
Она — начало для сердец,
Что ищут вечную свободу.

Пусть отшумела, как весна,
Пора надежд и откровений,
Но молодость ещё сильна —
Для безрассудных дерзновений.

Блажен, кто юность пережил,
Не растеряв огня святого,
Кто в сердце бережно хранил
Любовь, Надежду, Божье Слово!

II. ЛЮБОВЬ

Как любить мне хочется

Как любить мне хочется страстно,
Чтоб с ума сходить без остатка,
А в погоду плохую, ненастную
Писать письма тебе в тетрадку.

Что со мною, не знаю, случилось —
Я по звёздам хочу угадать:
Где ты, ангел мой, заблудилась?
Не устала ль ещё меня ждать?

Очень скоро наступит ненастье,
И опять придут холода.
Притупится горечь несчастья,
И исчезнет печаль без следа.

Я раскрою свои объятья,
Рассмеюсь над прошедшей тоской,
Позабуду судьбы проклятия,
Наконец обрету свой покой.

Пусть кружатся последние листья,
Пусть метели стучатся в окно,
Если сердце умеет влюбиться —
Ему значит любить суждено.

Я найду тебя в утреннем свете,
В шуме рек и в дыханье весны.
Ты дороже всего мне на свете,
Все мечты лишь тобою полны!

Как любить мне хочется страстно,
Чтоб с ума сходить без остатка,
Чтобы даже в погоду ненастную
Писать письма тебе в тетрадку!

Скрипка на моём плече

Она — как скрипка на моём плече,
Дрожит струна от лёгкого касанья.
При тусклом свете тающей свечи
Звучит любовь, рождённая из тайны.

Она — как скрипка на моём плече,
Под горький плач натянутой струны
Звучит судьба в басовом ключе,
В низах манящей, вечной тьмы.

Она — как скрипка на моём плече,
Я в каждом звуке чувствую дыханье,
И мой смычок ведёт меня к черте,
Где страсть и нежность — моё признание.

Она — как скрипка на моём плече,
Вокруг плетутся тайны и интриги.
В конце, в прощальном ключе,
Останутся лишь тени, а не лики.

Она — как скрипка на моём плече,
И каждый звук — признание без слов.
Но стихнет зал, в мерцающем луче
Исчезнут чары сказочных миров.

Она — как скрипка... Я кладу смычок,
Мелодия стихает в тишине,
И только дальний, хрупкий шепоток
Останется со мной наедине.

Странная любовь

Он был поэт, она — крестьянкой,
Он всё смотрел и всё молчал,
Она плясала под тальянку
И заливалась хохоча.

Их души были непохожи,
И нераздельны плоть и кровь,
Вдруг на планете, на свет Божий
Явилась странная любовь!

Он ей шептал о небосводе,
О том, что говорит квазар.
Она всегда рвалась к свободе,
И смех её — живой пожар.

И лунной ночью долгожданной
Сливались тени в кутерьме,
И чувства их, такие странные,
Как луч во мраке, в глубине.

Он ей писал стихи повсюду,
Венок сплетался из стихов.
И было счастьем, было чудом —
Любить и жить без лишних слов!

Хоть их сердца так много знали,
И путь был долг и непрост,
Любовь из искры запылала,
Их повела в страну из грёз!

И вот пред святым алтарём
Их клятва — свет и чистота,
И, взявшись за руки, вдвоём
Они вступают в райские врата.

Недозволенная любовь

Я не скрываю, не таю
Своих мучительных терзаний,
В душе их трепетно храню
Среди безмолвных ожиданий.

Тебя одну люблю — люблю,
И нет душе моей спасенья,
Как путник в сумрачном краю
В тебе ищу я утешенье.

О, недозволенность желаний,
О, горький сладостный обман!
Я жажду лишь твоих признаний,
Хочу обнять твой гибкий стан.

Твой взгляд — и сердце замирает,
Твой голос — свет в глухой ночи,
Но разум робко повторяет:
«Не смей мечтать о ней, молчи...»

Я буду ждать и всё терпеть,
Не в силах пламя погасить.
Пусть суждено мне в нём сгореть —
Я буду всё равно любить!

Таинство любви

Ночь опускается за куполами,
Медленно тают огни.
Только дыханье звучит между нами,
Словно признание любви.

Нежные пальцы так властно сжимаются,
Жар разжигая в крови.
Тени на стенах неслышно сплетаются
В таинстве вечной любви.

Тихие вздохи, дрожащие шёпоты
Ночь превращают в прибой.
Сердце теряется в ласковом омуте,
Жаждет остаться с тобой.

Каждое нежное прикосновение —
Искра, летящая ввысь.
Словно волшебное притяжение,
Души и судьбы слились.

Чувства влекут нас в единое целое,
С каждой минутой сильней.
И возникает влечение смелое,
Делая души родней.

Нет нам спасенья от силы чарующей,
Что покоряет сердца.
И увлекает нас страстью волнующей
В пучину любви без конца!

Разлука

Мне ни радостно, ни грустно
От прощальных слов твоих —
Просто стало как-то пусто
Словно счастье на троих.

Не щемит и не тревожит,
Не кричит во мне тоска,
Будто сердце осторожно
Снялось с острого крючка.

Мы делили все земное —
Ты и я, немой вопрос.
Счастье хрупкое, чужое
Нас пустило под откос.

Я не плачу, просто тише
Стали мысли и слова.
Мы с тобою порознь вышли:
Разорвалась тетива.

И теперь ни свет, ни тени
Не способны удержать.
Мне не больно, просто время
Научило отпускать.

Элегия

В ярко-синем своём одеянье
Ты вошла — и осталась со мной.
Я смотрел, сохраняя молчанье,
Наслаждаясь неспешной игрой.

Ты смеялась легко и небрежно,
Будто знала исход наперёд,
И касалась так просто и нежно,
Словно это кого-то спасёт.

Мы дышали минутами редко,
И боялись спугнуть каждый миг,
И дрожала в руках сигаретка —
Атрибут всех любовных интриг.

Но однажды — без крика, без грома,
Без прощаний и лишних слов —
Ты ушла, как уходят истома
Из последних, холодных снов.

В бледно-стёртом своём одеянье
Ты исчезла в туманной дали,
Я смотрел, сохраняя молчанье,
Провожая остатки любви.

Было грустно. И, впрочем, как прежде,
Без упрёков, без боли всерьёз:
В ярком цвете рождается нежность,
В обесцвеченном — память из слёз.

Фотография

Я смотрю на твое фото,
Постепенно схожу с ума.
Где ты, где ты, моя свобода?
Отчего же на душе зима?

Я люблю тебя, моя девочка,
Заклинаю, молю Всевышнего:
Хоть одну подари мне весточку,
Сохрани моё чувство возвышенным.

Неужели так может случиться,
Что, когда пролетят года,
Я однажды могу пробудиться —
И не вспомнить твои глаза?

Не узнаю любимых рук,
Не услышу твой звонкий смех,
И пойду сквозь года разлук —
Одинокий, чужой для всех.

Как же больно... Душа немеет,
Сердце стынет в глухой тоске.
Всё вокруг без тебя сиротеет...
Только ты возвратись ко мне!

Ушедшие чувства

Я не жду от тебя снисхожденья
И не верю горячим устам,
У меня есть одно подозренье,
Что все чувства ушедшие — хлам!

Я не сторож семейных традиций,
И не юноша с бледным лицом,
То, что будет, пусть прежде приснится
И обманет счастливым концом.

Я не стану молиться на случай,
Не привык доверяться судьбе.
Только память становится глуше,
Оставляя всё меньше во мне.

Все признанья развеяны ветром,
Клятвы все ушли в никуда.
Лишь холодное, позднее утро
Не обманет уже никогда.

Если даже всё станет забвением
И растает, как утренний дым —
Я приму это с тихим смиреньем,
Потому что все было живым!

В ожидании

Моя юная, моя нежная,
Где же ты затерялась в пространстве?
Моя милая, безмятежная,
В золотисто-осеннем убранстве.

Меж туманов, дождей и рассветов,
Средь забытых дорог и огней,
На планете без лишних ответов
И в молчании прожитых дней.

Я ищу тебя в шёпоте ветра,
В тихом вздохе вечерних аллей,
В каждом лучике тёплого света,
В каждой капле ушедших дождей.

Ты — мечта, что скользит между строчек,
Ты — надежда в холодной груди,
Милосердной души моей почерк,
Непрочитанный том впереди.

Если вдруг ты услышишь однажды
Этот зов сквозь года и мосты —
Знай: я жду тебя тихо и жадно
На границе судьбы и мечты.

И когда-нибудь

И когда-нибудь
На исходе дня
Я приду к тебе —
Обними меня!

Обними меня,
Поцелуй вослед:
Ничего уж нет,
Ничего уж нет!

Пыл, восторг в душе
Отошли уже.
Холод, осень, тлен
Захватили в плен.

Не вернуть весны,
Не догнать рассвет,
За спиной — тень,
Впереди — лишь свет.

Отгорел костёр,
Догорел дотла.
Что любовь дала —
Время забрало.

Стынет в жилах кровь,
Тихо меркнет взгляд.
Не зовёт любовь
Повернуть назад.

Только ты одна,
Как далёкий свет,
Сквозь года несёшь
Негасимый след.

И когда-нибудь,
На исходе дня,
Я приду к тебе —
Ты дождись меня!

О любви

У любви есть свои законы —
Всех законов не перечесть.
У любви есть свои законы,
Беззаконие — тоже есть.

Ей не писаны правил своды,
Не знаком ей сухой устав:
Кого сердце ждет в непогоду —
Тот и прав, даже если неправ.

Она рушит мосты и границы,
Заставляет разум молчать,
И порою случайные лица
Вдруг к себе захочет принять.

Не страшны ей ни боль, ни годы,
Ни разлуки холодный след.
У любви есть свои подходы
К выбору между «да» и «нет».

Она может быть тихой верой,
Или пламенем до небес.
Но любовь не бывает серой,
Будням жизни всегда вразрез.

Мир любви — он светел и чист,
Не подвластен расчётам судьи:
Сердце может пойти на риск,
Все сменяя на своем пути!

III. СОЗЕРЦАНИЕ

Луна

Луна, как колесо повозки,
По небу медленно катилась,
То пропадала, то светилась,
Подпрыгивая от небесной тряски.
И звёзды, словно пыль дороги,
Дрожали в сумраке высот.

Куда ты катишься, подруга,
В ночной, безмолвной синеве,
Сбежать пытаешься от испуга —
Привязанною быть к Земле?
Тебе мерещится свобода
От притяжения к Земле.

Твой бег по кругу — не неволя,
А самый верный, нужный путь,
Катись по небу без контроля
Куда-нибудь и как-нибудь,
Ведь все вращается на свете,
За кругом круг, за шагом шаг.

Дождь

Мелкий дождь наискосок —
С неба льёт без остановки,
Шьёт дорогу поперёк
Серой ниткой из верёвки.

Время тянется, течёт,
Не сбиваясь, не теряясь,
Жизнь стремительно идёт,
Сквозь пространство пробиваясь.

День сменяется в ночи,
Шаг за шагом, без убранства,
И в молчании звучит
Неизменность постоянства.

В этом ритме — каждый вдох,
Каждый шаг без объясненья,
Всё, что было, будет вновь —
Дождь, дорога, повторенье!

Тихий океан

Как смирен Тихий океан порою,
Застыв под небом в ясной тишине.
Лежат валы недвижною грядою,
Как великаны в беспробудном сне.

Ни ветра нет, ни всплесков, ни гула —
Лишь даль уходит в дымку за кормой.
И кажется: природа вся уснула,
Укрывшись бесконечной синевою.

Вся гладь морская — зеркало без края:
Ни складок, ни волнения в воде.
И Тихий океан, безмолвье вдыхая,
Слился с небесным сводом в высоте.

Но дремлет лишь могучая стихия,
Храня в груди расплавленный вулкан.
Тесны ей и покорность, и бессилье —
Настанет срок — проснется океан!

Вот задрожали дальние просторы,
И первый шёпот пробежал волной,
Как будто сбросил исполин оковы,
Проснувшись после вечности ночной.

Взметнулись волны в серебристой пене,
Надели гребни белые венцы
И зазвучали в яростном движенье
Морей бессмертных древние певцы.

Свободней вдох! Всё шире, всё мощнее
Растёт дыханье водной глубины.
И небеса качнулись, цепenea
От поступи вздымающей волны.

Уже не шёпот — грозное сказанье,
Уже не рябь — восставший океан!
В нём ярость бури, жизни ликование —
Грядёт неукротимый ураган.

Напрасно думать: удержать стихию,
Когда она почувствует простор.
Она сметёт преграды вековые,
Как буря валит ветхий частокол.

О, океан! В твоём живом дыханье
Есть правда, неподвластная годам:
Жизнь не дана для долгого молчанья —
Она дана движенью и мечтам!

И потому твой голос величавый
Мне ближе многих мудрых слов людских:
Живи, мой мир, свободно и по праву,
Как океан среди пространств седых!

Над океаном

*«Все, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...»*

А. С. Пушкин

Из дальней солнечной страны
Домой летел я над волнами.
Покой струился с глубины,
И море искрилось огнями.

Я молод был. Казалось мне —
Вся жизнь еще полна мечтами.
И плыл спокойно в вышине
Наш самолет над облаками.

В салоне детский смех звенел,
Негромко скрипки напевали,
И каждый, кто домой летел,
Был полон светлых ожиданий.

Но вдруг нахмурился простор,
Свинцом налились небеса,
И грозовой незримый хор
Вознес над бездной голоса.

И что-то дрогнуло вдали
В бездонной синеве небесной.
И тучи солнце облекли
Завесой мрачной и отвесной.

Все ближе гром, все резче свет,
Все ниже молнии сверкали.
И вспыхнул огненный рассвет
Над почерневшими крылами.

Погасли лампы. Тишина.
Потом — рывок. Потом — паденье.
И каждый понял: вот она —
Черта земного притяженья.

Что пережил тогда салон —
Не передаст земное слово:
Рыдания, плач со всех сторон,
Молитва сердца молодого.

Кто звал детей. Кто звал Христа.
Кто молча ждал своей кончины.
И только вечность неспроста
Смотрела в самые глубины.

Разверзлась грозовая твердь.
Исчезло всё в единый миг.
Передо мной стояла Смерть —
Безмолвный вечности двойник.

Она молчала. Я молчал.
Не ждал ни чуда, ни спасенья.
И только тихо прошептал:
«Нет. Смерти нет, есть лишь мгновенье».

И в нем, как молния, прошли
Не годы — нет, они короче, —
А все несправедные дни,
Которых помнить не захочешь.

Не вспомнил громких я побед,
Ни книг, ни славы, ни признанья.
Я вспомнил солнечный рассвет
И запах свежего дыхания.

Я вспомнил дождь по мостовой,
Сирень, раскрытое окно.
И понял вдруг: весь шар земной
Мне не заменит ничего.

Я не хотел бессмертным стать.
Я жить хотел — до самой боли.
Любить. Прощать. Не предавать.
И быть собой. И быть на воле.

И словно, вняв моей мольбе,
Сквозь гром и молнии косые
Наш лайнер выровнял свой бег
И вышел гордо из стихии.

Опять зажегся ровный свет.
И люди радостно молчали.
Как будто в несколько секунд
Всю жизнь сначала прочитали.

С тех пор, когда приходит ночь,
И сердце к жизни так стремится,
Смерть невозможно прогнать прочь,
Но можно с нею не согласиться!

И жизнь становится иной,
Когда, взглянув однажды в бездну,
Ты возвращаешься домой
Уже не прежним, а воскресшим!

Наездница

Наездница мчалась галопом,
Склонив молодую главу.
По узким каменным тропам,
Доверив лошадке судьбу.

Подковы стучали стаккато,
Рождая серебряный звон.
Она устремлялась к закату,
Где пламенем вспыхивал склон.

Был воздух прозрачен и холод,
Орёл над ущельем кружил.
Хоть конь был неопытен, молод,
Опасность ноздрами ловил.

Но всадница только смеялась,
Доверившись ветру вполне.
Ей юность бессмертной казалась
На этой опасной тропе.

Подковы стучали всё чаще,
Дорога взбиралась на склон.
За выступом сумрак молчащий
Хранил первозданный закон.

Всё уже тропа становилась,
Скалой нависая крутой.
Лишь эхо над бездной носилось,
Как вестник беды роковой.

Подковы стучали тревожно...
Вдруг камень скользнул под ногой.
Казалось: спастись невозможно —
Сорвёшься в провал ледяной.

Осыпались серые глыбы.
Ущелье дохнуло во мгле.
И время внезапно застыло,
Повиснув на тонком седле.

Она натянула поводья:
«Держись, мой хороший, держись...»
На самом крутом повороте:
«О, Господи, дай нам спастись!»

Конь медленно пал на колени,
Сдержав обезумевший бег.
И слышалось только биенье
Двух слившихся вместе сердец.

Мгновенье... И снова подковы
Запели над краем скалы.
И ветер холодный, суровый
Кружил над дыханьем тропы.

Она улыбнулась беспечно,
Поправив упавшую прядь,
Как будто не смерть человечья —
Судьба пошутила опять.

Подковы стучали всё тише,
Всё глуше теряясь вдали.
А вечер спускался всё ниже
На тёмные плечи Земли.

Танцовщица

Романс в духе Серебряного века

В полумраке артистического зала,
Где рубином мерцали огни,
Где Шопена мелодия звучала,
И земное терялось вдали.

Ты босая ступала несмело
По зеркальному кругу цветов.
И туника, как чайка, белела
Над дыханьем весенних ветров.

Танцуй... Я душою с тобою,
Пусть нас музыка к небу несёт.
Жар безумного танца со мною,
Словно пламя меня увлечёт.

Танцуй... Я не смею коснуться рукою,
Но всем сердцем вхожу в этот свет.
И становится жизнью земною
Твой чарующий медленный след.

Каждый взмах твоих тонких запястий —
Будто всплеск золотого огня.
В этом танце — и нежность, и страсть
Закружили навеки меня.

Живых лилий душистые тени,
Красно-клюквенный ласковый свет...
И Шопен, преклонивший колени,
Словно шепчет любви менуэт.

И когда догорят эти свечи,
Отцветут золотые цветы,
Будет память хранить этот вечер
И зеркальный полёт красоты.

Лишь Шопен, словно призрак печальный,
Тихо тронет последнюю нить...
Чтобы вновь в том подвале хрустальном
Я пришёл на тебя посмотреть... И любить.

Танцуй... Я душою с тобою,
Пусть нас музыка к небу несёт.
Жар безумного танца со мною,
Словно пламя меня увлечёт.

Танцуй... И пока не погаснут свечи,
Пусть Шопен говорит без слов.
Есть мгновения — дольше вечности,
Их бессмертное имя — любовь.

Космическое пространство

Я живу в космическом пространстве,
Где на смену жизни смерть приходит...
В этой смене, в этом постоянстве
Всё рождается, живет, уходит...

Вот качаются, прощаясь, три древа,
Провожая в путь последний душу.
Нужно расставаться — ей на небо,
Мне же дальше жить, молиться, слушать...

Слушать, как незримыми путями
Время тихо движется по кругу,
Как рассвет сменяется ночами,
И любовь сильнее, чем разлука.

Как весной листвою вновь зелёной
Оживают парки и аллеи,
И над каждой свежей бороздой
Свет небес становится светлее.

Всё имеет срок, своё начало
И конец, назначенный судьбою.
Ничего навеки не пропало —
Лишь меняет облик предо мною.

Я живу в космическом пространстве,
Где бессмертно времени движенье...
В этой вечной жизни, в постоянстве
Бог творит, хранит свое творенье!

Тайна бытия

Как сильно небо беспокоит
Своей глубокой тишиной,
Луна неспешно в нем проходит
Дорогой давней и ночной.

Она скитается безмолвно
Средь звезд, холодных и немых,
Как страж времен, как знак условный
Миров далеких, неземных.

Хочу шагнуть за край Вселенной,
Увидеть всё и всё познать,
Перед Создателем смиренно
Пав на колени смысл понять:

Как бесконечность и безбрежность
Вместить способен этот мир,
Перетекает время в вечность,
И неизменен лишь эфир?

Так я стою, храню молчанье,
Впиваясь в призрачный простор,
Где скрыта тайна мирозданья
И чей-то тихий разговор.

В ночной тиши

Встану в час, когда луна
Стережёт забытый свет,
Когда ночь едва жива,
А рассвета еще нет.

Выйду — улицы пусты,
Шепчет ветер имена,
И ведут меня мосты
В тайны утреннего сна.

По камням и по воде
Я иду сквозь мир теней —
От звезды к другой звезде,
От чужой судьбы — к своей.

Там — бездонный океан
Пьёт дыхание времён,
Там бушует ураган,
Там я буду возрождён!

Захлебнусь не в глубине —
В вечном шёпоте миров,
Растворюсь в немой волне
И исчезну без следов.

IV. ПАМЯТЬ

Дорога в детство

Отчего меня тянет к родимым местам,
В тот забытый судьбою, но памятный край,
Где пылят переулки назло временам,
Где закаты ложатся на старый сарай?

Что зовёт меня вновь через годы и дни,
Через тысячи вёрст, через множество лиц?
Почему не стираются в сердце они —
Вереницы дорог и полёт вольных птиц?

Там прошло моё детство — беспечный рассвет,
Школьный звон, перемены, игры, мечты.
Там казался огромным весь белый свет,
И до счастья хватало простой доброты.

Мы играли в футбол до вечерней звезды,
В казаки-разбойники мчались гурьбой,
Оставляя на тропках босые следы.
И весь мир открывался тогда предо мной.

Улица в жизнь открывала пути —
Она честность ценила превыше наград,
Помогала друзей настоящих найти
И понять, кто был прав, а кто виноват.

И родители были живыми тогда,
Не тревожили мысли о беге годов,
И казалось, что счастье пребудет всегда,
Как весенний разлив у знакомых садов.

Мы шагали на праздники в общем строю,
С алым флагом, с оркестром, под песни страны,
Не заметив, как детство уходит в зарю,
Оставляя лишь светлые, тёплые сны.

Годы шли. Всё менялось. Менялись и мы.
Стали реже друзья собираться гурьбой.
Но живут в моей памяти те времена,
Словно тихий маяк над житейской волной.

Отчего же так хочется снова туда,
Где остались и юность, и первая грусть?
Может быть, потому что бегут не года —
Это мы от себя убегаем чуть-чуть.

И зовёт не дорога, не старенький дом,
Не деревья, знакомые с детства до слёз,
А тот мальчик, что жил без заботы о том,
Что когда-нибудь станет взрослым всерьёз.

Он остался в далёком родном городке,
Где пылятся всё те же простые пути.
И тоскует душа не о том городке —
О себе молодом, что уже не найти.

Потому-то и манят родные места,
Ведь там детство хранит свой завет:
Возвращаюсь туда, где жизнь начата,
К себе молодому — в мир, которого нет.

Новый Год

Новый год приходит сказкой —
С тихим скрипом за окном,
С мягким светом, доброй лаской
И заснеженным двором.

Пахнет ёлка свежей хвоей,
Мандаринами, зимой,
И, конечно, счастье вскоре
Постучится в дом родной.

Горки снежные, салазки,
Смех счастливой детворы —
Наступает время сказки,
Новогодней мишуры!

Но сильнее всего на свете
Я любил тот миг ночной:
Старый год уносит ветер,
Новый входит в дом родной.

Верил я тогда всем сердцем:
Чудо сбудется вот-вот,
И откроет счастьем дверцу
Долгожданный Новый год!

Фантиков конфет сиянье,
Радость — искренне, до слёз...
И казалось: все желанья
Нам исполнит Дед Мороз.

Но промчались те мгновенья,
Словно снег в ночной дали,
Лишь остались сновиденья —
Годы детские ушли...

Ах, вернуться бы однажды
В тот безоблачный уют,
Где легко и так отважно
Чудеса под ёлкой ждут.

Где весь мир сиял добрее
В мягком свете фонарей..
От видений тех теплее,
И душе моей светлей!

Деду

Мой дед погиб на той войне —
Суровой, страшной, роковой.
Нет в нашей раненой стране
Семьи, не тронутой бедой.

В моём воображеньи — зал,
Дом офицеров, мягкий свет.
И вальс «Осенний сон» звучал —
Кружились пары тет-а-тет.

Скользили двое — он, она,
Забыв про всё на белом свете.
Мой дед и бабушка без сна —
Одни на всей большой планете.

Казалось, танец будет вечен,
Их души слиты навсегда,
Но счастье было скоротечным —
Незванная беда пришла.

И вот — совсем иной сюжет:
Война во всей своей жестокости,
Где у рассветов смысла нет,
И мир распят до отчуждённости.

Земля, сожжённая дотла,
Молчит под пепельной золою.
И тень ползёт, где жизнь была,
Над обескровленной землею.

И люди — между двух миров,
В глазах — слезная поволока.
Им не хватает тихих слов,
Чтоб помощи просить у Бога.

И в этой страшной кутерьме
Мой дед сражался, не сгибался.
Он верен был своей стране,
Всесущей смерти не боялся!

Перед глазами — выжженный рубеж,
Окоп, где грязь смешалась с кровью.
Враг не прошёл — и есть надежда
Дожить и встретиться с любовью.

Потом — листок, письмо домой:
«Все хорошо, но связь бывает редко».
И снова ждать последний бой,
И снова пальцы жмут гашетку.

Четыре года — словно целый век,
Шаги — по лезвию, где нет возврата.
В последний год войны ты пал навек,
И вечность приняла тебя, солдата.

И в День Победы, по улицам столицы,
Бессмертный полк течёт живой рекой.
И я иду с тобой сквозь радостные лица,
Сквозь время, боль, с молитвой святой.

Твой образ сохраню в себе, мой дед,
Ты весь во мне — мы навсегда едины.
Ты воевал, чтоб я увидел свет.
Я знаю: ты — бессмертен, ты — Мужчина!

О времени

Я чувствую, как время мчится мимо,
Как быстрый поезд — в гуле и дыму.
Всю жизнь стремлюсь его настигнуть,
Коснуться, крикнуть вслед ему:
«Остановись, мгновение, стой —
Дай насладиться светлой красотой!»

Я рвусь за ним, хватаюсь за секунды,
За тонкий хвост спасительных минут,
Но пальцы лишь сжимают воздух лунный,
А стрелки равнодушно вдаль бегут.
И каждый день — как шаг во тьме,
Звенит протяжно где-то в глубине.

Совсем ребенком — в темном коридоре —
Я замер, прислонясь к глухой стене,
И сам с собой в безмолвном разговоре
Я слушал сердце в полной тишине.
Хотелось мне запомнить этот миг,
Через года вернуться в свой тайник.

И вспомнить запах сумрака и пыли,
Рисунок трещин, шорох за окном,
Какими мы с друзьями прежде были,
И в детство возвратиться светлым сном.
И встретить там себя — смешного,
С наивной верой в чудо и добро.

Смотрю назад — как много изменилось,
Как время перекрасило черты,
Что в сердце навсегда остановилось,
А что исчезло в сумраке мечты.
И я пытаюсь в каждом новом дне
Поймать за хвост мгновение во тьме.

Но каждый миг уходит безвозвратно,
Я провожу его без лишних слов —
Ведь время не поймать, но, вероятно,
Его возможно сделать частью снов.
И иногда я времени шепчу: «Замри!» —
Чтоб ощутить всю полноту зари.

Поздний час

Все обыденно и просто —
Поздний час.
Светит лампа тускло, тускло
Каждый раз.

За окном лишь силуэты,
Гаснет свет.
Ни вопросов, ни ответов
Больше нет.

Тихо стрелки отсчитали
Новый круг.
Что имели — потеряли
Как-то вдруг.

Все обыденно и просто —
Ночь тиха.
Только вечность смотрит в окна
Свысока.

Жизнь уходит каждый вечер
Навсегда.
Уноси скорее, ветер,
Все года!

Закатные дни

Закатен день, закатны дни...
В моей судьбе грядут они.
Красив закат в ночной глуши —
Соблазн для духа и души!

Не страшен мне его покой,
Он дышит вечной тишиной.
И солнца медленный уход
Меня безропотно зовёт.

В нём нет ни боли, ни борьбы —
Лишь исполнение судьбы.
Всё то, что было мне дано,
С небес давно предreshено.

И пусть земная жизнь кратка,
Всё унесёт времён река.
Но, угасая в вышине,
Закат оставит свет во мне!

Я не бессмертен

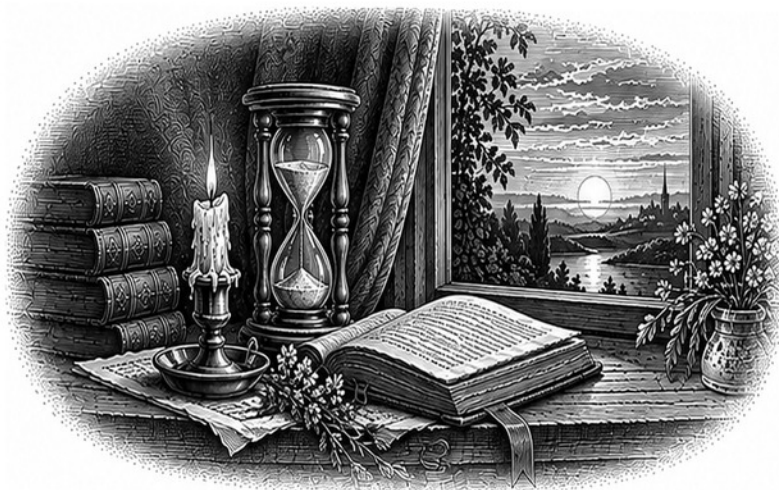
С годами — всё мудрее и скучнее
Проходит время — я живу,
Но что тревожит все сильнее:
Я — не бессмертен, я умру.

Пусть скажут: «Ах, философ» —
С усмешкой горькой на лице,
«Живи, не задавай вопросов
И подведи итог в конце».

Я не ищу ни смысла, ни спасенья
И не торгуюсь с пустотой в ответ.
Я просто вижу: каждое мгновенье
Во мне стирает прежний свет.

Пока смеюсь, пока еще надеюсь,
Пока летаю в тихом, детском сне,
От этой истины житейской я немею
И растворяюсь в сонной тишине.

И, без сомненья, жизнь — прекрасна,
А значит, путь был не пустым,
И каждый шаг был не напрасным,
Был нужным, прожитым, живым!

V. ПУТЬ ДУХА

А что есть Истина?

А что есть Истина? А что есть Бог?
Вопрос, не знающий предела,
Не разум ли, играя, смог
Смутить сомнением неумело?

Он жаждет подвести итог,
Разъять Вселенную на части,
Но выше доводов и строк
Есть вера — тише, глубже власти.

Не в слове Истина живет,
Не в строгом выводе ума:
Пока душа Её зовет —
Жива и Истина сама!

Законы вечности

Жизнь открывает мне законы вечности,
Внезапно совершая чудеса,
Но с неба раздаются голоса,
Напоминающие о скоротечности
Жизни...

И в сумерках безмолвного творения,
Когда смолкает суэта земли,
Мне слышатся нездешние вдали
Таинственные звуки Откровения.

И мир, вчера казавшийся пустым,
Вдруг предстает исполненным значенья:
Нет в бытии случайного мгновенья,
И каждый вздох дыханием храним.

Я вижу, как закатная звезда
Над миром зажигает свет прощальный,
И этот свет, спокойный и печальный,
Уже не угасает никогда.

И потому, когда наступит срок
Покинуть мир, столь близкий и любимый,
Я перейду неведомый порог
С надеждою, почти невозмутимо.

Ведь жизнь открыла высший свой закон
Среди тревог, страданий и беспечности:
Всё временно — но не напрасно в нём,
И каждая душа причастна Вечности.

Исповедь падшего

Я душу дьяволу отдал —
Не за богатство, не за славу,
Не за венец земных похвал,
А за минутную забаву.

Как Фауст в жажде откровений
Познать и мир, и небеса
Продал судьбу за озаренье,
За тайны, книги, чудеса.

Он рвался к истине высокой,
К пределам знания и мечте,
А я — к утопии глубокой,
К пустой и хрупкой высоте.

Теперь в тиши ночной сижу я,
И весь сгораю от стыда,
И душу, проданную всеу,
Не вернуть мне никогда.

Я понял поздно: нет расплаты
Страшней, чем собственный обман,
Когда ты сам назначил плату,
И сам попался в свой капкан.

Теперь сижу и вижу ясно:
Не дьявол душу унес прочь —
Я сам отдал её напрасно,
И некому мне здесь помочь.

И ад — не пламя под землёй,
Не тьма с рогатой головой,
А жизнь, прожитая не мной,
Не мне назначенной судьбой.

Чужая эпоха

Мы не вольны избрать своё столетье,
Ни путь земной и ни своей судьбы.
Кому досталось мирное наследье,
Кому — года лишений и нужды.

Никто не знает, что готовит время,
Какая весть разбудит поутру,
Нам жизнь сама назначит бремя
И поведёт нас к свету и добру.

История сметала царства, страны,
Ломала судьбы, рушила века.
Вчерашний мир — привычный и желанный —
Вдруг обращался в замок из песка.

То грохот войн, то братские раздоры,
То голод, мор, безумие толпы —
И рушились устои и опоры,
И гибли люди, падали гербы.

И странно мне: я мысленно нередко
Иду туда, где дым застлал зарю,
И каждый день был прожит человеком
У самой бездны, на её краю.

Мне хочется увидеть эти лица,
Понять, как жили люди той поры,
Что помогало им не покориться,
Когда вокруг сгорали целые миры.

Мне близок мир родной интеллигенции,
Где мысль и совесть спорили с судьбой,
Где честь была не словом и не лекцией,
А каждодневной внутренней борьбой.

Где доктор Живаго в дни смятенья,
Не предавал ни правды, ни любви,
И сохранял сквозь бури потрясений
Живую душу посреди крови.

Мне хочется вдохнуть дыханье века,
Услышать шаг исчезнувших времён,
Понять, кто оставался человеком,
И кто был бурей наповал сражён.

Но нет... Когда весь пыл утрачен,
Я сознаю без всякого стыда:
Смотреть в окно истории — не значит
Стать её частью и героем навсегда.

Легко любить ушедшие столетья,
Когда их гром давно уже затих.
Но смог ли сам пройти через лихолетье,
Не предавая близких и друзей своих?

Пусть книги открывают эти двери,
Где боль и подвиг слиты воедино.
Я им внимал — но всё же не уверен,
Что сам бы нес свой крест невыносимый.

Мы не вольны избрать свою эпоху,
Но выбор сердца не подвластен дням:
Остаться человеком перед Богом —
Вот подвиг, завещаемый векам!

Тварь ли я дрожащая?

«Тварь ли я дрожащая или право имею?...»

Ф. М. Достоевский

Кто я такой? Откуда это бремя,
Что не даёт душе моей уснуть?
Как будто ночью шепчет время:
«Попробуй сам избрать свой путь».

Во мне живут и ангел, и гордыня,
Во мне идут незримые бои.
Мне шепчет разум: «Стань сильнее ныне —
Для сильных нет ни правил, ни судьбы».

Не слушай тех, кто следует уставу,
Кто ищет правду в книгах и судах.
Великий сам себе закон и право,
Не вопрошая небо о правах.

Взгляни на мир! Великие державы,
Империи рождались на крови.
Кто смел — того венчают славой,
Кто слаб — исчезнет в вековой пыли.

Так был он ангелом прекрасным,
Но возжелал престол превыше всех.
Одной лишь мыслью — дерзкой и напрасной —
Он превратил величие во грех.

Так Каин поднял меч на брата,
Решив, что он превыше всех судов.
И брата кровь, пролитая когда-то,
Оставила нам первый след грехов.

Потом взметнулась башня к небосводу,
Чтоб человек сравнялся с Божеством.
Но гордый разум, возмечтав свободу,
Разрушил сам воздвигнутый свой дом.

И вновь века рождали властелинов,
Чей шаг гремел над трепетной землёй.
Они себя равняли с Господином,
Не дорожили совестью святой.

Один мечтал перекроить народы,
Другой — весь мир заставить замолчать.
Но невозможно насилием над свободой
Счастливой жизни людям дать.

Так мысль одна, едва заметной тенью,
Вползает в душу медленно, как яд:
«Есть люди высшего предназначенья —
Им всё дозволено, так свыше им велят.»

Она сулит бессмертие и славу,
Велит забыть о жалости простой.
Она внушает призрачное право —
Судить других холодной головой.

Но стоит лишь переступить границу,
Где совесть уступает торжеству,
Как человек уже не видит лица,
А только цель — и страшную мечту.

Но чем настойчивей звучали речи,
Тем холодней делалась душа.
И понял я: такие мысли вечно
Ведут людей дорогою греха.

Не право нам даровано — ответственность,
Не власть — а крест, что каждому нести.
И в этом — человеческая ценность,
Иного нам не суждено пути.

Когда же вновь, в часы глухих сомнений,
Подступит искушение ко мне,
Я вспомню: всякий путь без сожалений
Кончается страданием вдвойне.

И тихо повторю без оправданья,
Не пряча глаз от собственной судьбы:
Нет избранных по праву и рожденью —
И все мы перед Господом равны!

Памяти иером. Даниила

В заброшенной лесной глуши,
Где дремлет мох под сенью вековой,
Я встретил старца в благостной тиши —
Сиял он кроткой верой неземною.

Иеромонах Даниил — светлый лик,
Смиренный взор, исполненный покоя;
Он тихо говорил — и в тот же миг
В словах его звучала воля Божья.

Глаза его — как солнечный рассвет,
Где истина в лучах своих искрится;
Казалось, в них струился тихий свет,
Способный в чутком сердце возродиться.

Он призывал, чтоб в глубине души
Произрастали дивные цветы —
Плоды святой, немеркнувшей любви,
Надежды, веры, чистой простоты.

Чтоб радость зрела, словно спелый плод,
Чтоб состраданье крылья распустило,
Чтоб каждый день, как благодатный всход,
Душа в смирение к небу возносилась.

Для сердца моего он был живой —
Как старец Зосима, мудрый и святой,
Наставник Алёше Карамазову, родной,
Чей свет струится силой неземной.

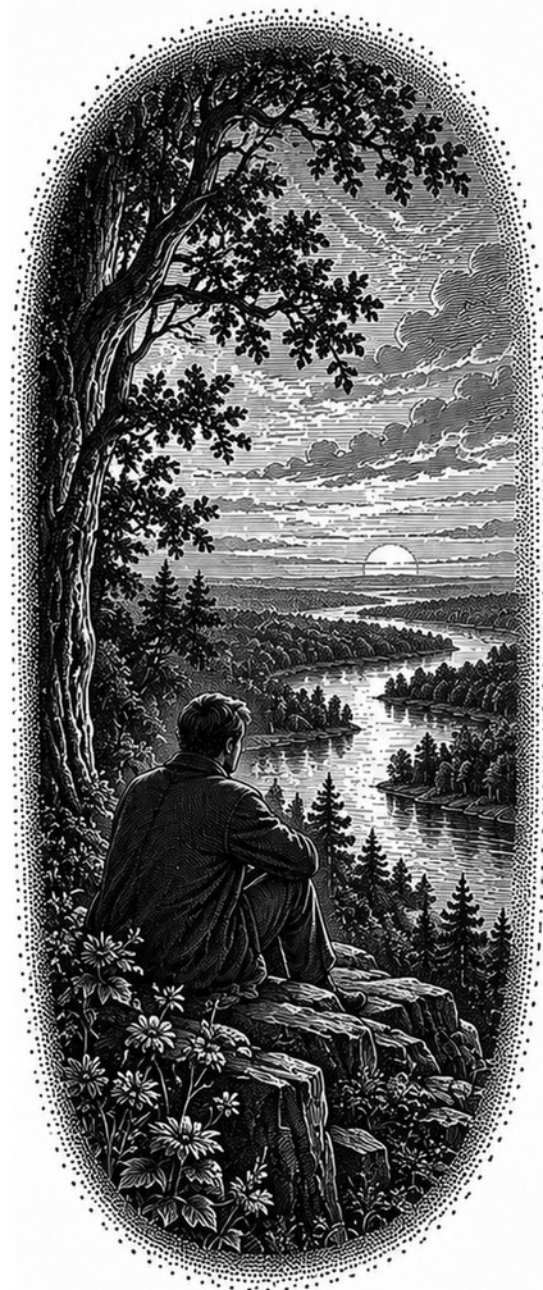
Он так учил: «Прекрасна жизнь земная,
И благ Господь во всякий день и час;
Лишь помни это, сердцем принимая, —
И мир предстанет в свете Божьих глаз».

Его земная, смиренная стезя
Была полна любви без всякого предела —
Ко всякой твари, к людям и друзьям,
Ко всем, в ком искра Божия горела.

С улыбкою, без слез он смерть принял,
Прошел достойно он земную долю;
С молитвой тихо землю он обнял
И душу вверил Богу с тихой волей.

О, светлый лик! О, чистый, ясный взор!
Какой пример для сердца и для века!
Пусть в нас живёт его святой укор
И образ веры — в лике человека!

Судьба

Всё как прежде, всё как встарь,
Дни привычно круг свой множат.
Мысль одна, как тайный жар,
То отпустит, то тревожит.

То рассеется, как дым,
Растворится понемногу,
То опять неотвратимо
Преградит мою дорогу.

Средь забот и суеты,
Средь надежд и сожалений
Не сгорают лишь мосты
Моих тайных размышлений.

Я пытался позабыть,
Отогнать видение рока,
Но незримой держит нить
Предначертанность итога.

И однажды на исходе —
На исходе ль дней, пути,
На реке ли, на болоте —
От неё мне не уйти.

Не помогут ни слова,
Ни земные оправданья.
Всё свершится, как всегда,
В свой черёд, без опозданья.

И когда наступит срок,
Станет тихо над землею,
Пусть последний мой урок
Примириет меня с судьбою.

По ночам

С каждым днём всё теснее, теснее...
По ночам не приходит покой.
Я в смятенье молюсь, как умею,
Но Она неизменно со мной.

До рассвета томительно бденье,
Холод каплями сходит со лба.
И не сон это — только виденье,
Что готовит незримо судьба.

А с зарёю светлеют оконца,
Отступает ночная беда.
Только знаю: до нового солнца
Не уйти от Неё никогда.

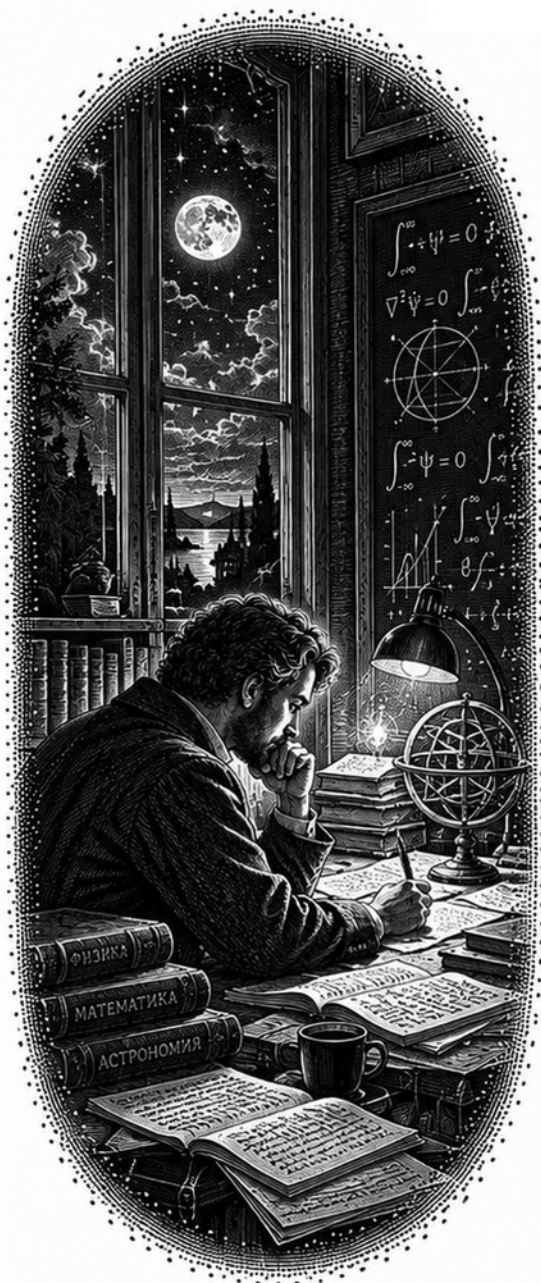
Я смеюсь, говорю и встречаю
Каждый новый подаренный день,
Но в душе я своей ощущаю
Её лёгкую чёрную тень.

И опять наступает вечер,
Гаснут краски в оконном стекле.
Не уйти мне от этой встречи —
Смерть и жизнь поселились во мне.

Пусть пока ещё сердце стучится,
Пусть ещё не окончен мой путь,
Но однажды Она постучится —
И уже не позволит свернуть.

Я не знаю последнего часа,
Не ишу ни знамений, ни слов.
Только верю: над бренностью нашей
Есть любовь, что сильнее оков!

Озарение

Кому-то снится золото в ладонях,
Кому — высокий чин и шумный зал.
А я сидел в ночной лаборатории
И над записями молча размышлял.

Листы лежали пёстрой вереницей,
И формулы теснились там и тут.
Но мысль кружила раненой птицей,
Не находя тот самый верный путь.

Но вдруг... Не знак и не знаменье,
Не вспышка даже — тихий поворот.
И несколько простейших обобщений —
И хаос сам сложился в строгий свод.

Наверно, так рождаются открытия.
Не нами — через нас они идут.
Как родники, пробившие граниты,
Они веками своего часа ждут.

Так возникает стих. Сначала — слово,
Потом ещё одно... И в тишине
Вдруг проступает скрытая основа,
Как ветви зеленеют по весне.

И понимаешь: счастье — не во власти,
Не в блеске орденов и не в чинах.
Оно — в великом чувстве сопричастья
К тому, что вечно в формулах, в стихах.

Когда в короткой строчке или знаке
Вдруг проступает вечности закон,
И хаос, растворившись в полумраке,
Смолкает, обретая свой канон.

Одиночество

Пустота всё ближе, ближе,
Приближается ко мне,
Ничего уже не вижу —
Темнота и тень в окне.

Гаснут формы, гаснут лица,
Мир сжимается во мне,
Мысли медленно струятся,
Растворяясь в тишине.

Тихо, пусто, одиноко,
Жизнь застыла во Вселенной,
Звёзды шепчутся далёко,
Освещая путь мой бранный.

Их холодное мерцанье
Сквозь бескрайние года
Приближает осознанье:
Я здесь брошен навсегда.

И в ночи, в безмолвном круге,
Где исчезло всё земное,
Пустота — уже не мука,
А одиночество немое.

Итог

Кто гениальный, кто талант —
Вопрос банальный.
Подведена моя черта —
Ответ прощальный.

Не мне судить свою судьбу —
Рассудят люди.
А всё, что было на веку,
Уже не будет.

Я не смотрю ни ввысь, ни вдаль:
Глаза закрыты.
Во мне живут лишь грусть, печаль,
Что не убито.

Что не сгорело — догорит,
Что пело — смолкнет.
Лишь ветер память сохранит,
Когда умолкну.

Не жду ни славы, ни похвал,
Ни громких званий.
Я слишком многое отдал
Без оправданий.

Быть может, всё, что написал,
Уйдёт бесследно.
И не останется зеркал,
Где лик мой светел.

Но если в чьей-нибудь душе
Останусь строчкой,
Я жил, наверное, уже
Не зря — и точка!

Эпилог

Вот и кончился этот блокнот,
Сколько радости в нём и боли.
Он — всего лишь краткий отчёт
О моей человеческой доле.

Здесь не вымысел — прожитый путь,
Не фантазии праздного слова,
Лишь души потаённая суть,
Что искала себя снова и снова.

Если кто-то среди этих строк
Узнаёт и себя ненароком,
Значит, был не напрасен итог
Этих мыслей, доверенных строкам.

Пусть страницы сомкнутся теперь,
Время тихо развеет бывшее.
Но пока не закрыта та дверь,
Бьётся сердце мое живое.

Содержание

Предисловие	3
Пролог	5
I. ЮНОСТЬ	6
Только «нет»	6
Кто я?	7
Юношеская хандра	8
Болезнь	9
Планета «Я»	10
Поэт и вдохновение	11
Манящая идея	12
Озаренный солнцем	13
Молодость	14
II. ЛЮБОВЬ	16
Как любить мне хочется	16
Скрипка на моём плече	17
Странная любовь	18
Недозволенная любовь	19
Таинство любви	20
Разлука	21
Элегия	22
Фотография	23
Ушедшие чувства	24
В ожидании	25
И когда-нибудь	26
О любви	27

III. СОЗЕРЦАНИЕ	28
Луна	28
Дождь	29
Тихий океан	30
Над океаном	32
Наездница	35
Танцовщица	37
Космическое пространство	39
Тайна бытия	40
В ночной тиши	41
IV. ПАМЯТЬ	42
Дорога в детство	42
Новый год	44
Деду	45
О времени	47
Поздний час	48
Закатные дни	49
Я не бессмертен	50
V. ПУТЬ ДУХА	51
А что есть Истина?	51
Законы вечности	52
Исповедь падшего	53
Чужая эпоха	54
Тварь ли я дрожащая?	56
Памяти иером. Даниила	58
Судьба	60
По ночам	61
Озарение	62
Одиночество	63
Итог	64
Эпилог	65
Содержание	66

